
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Е.С. Скобликова*

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Д.И. АЛЕКСЕЕВА (1918–1988) — ПЕРВОГО ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МАРТ 2009 г.)

Начиная сегодняшнее выступление, прежде всего уместно назвать большие даты и большие дела, прямо и косвенно связанные в 2008-2009 гг. с именем и деятельностью Д.И. Алексеева.

2009 — 40 лет со дня открытия (возрождения) Самарского университета и 40 лет существования кафедры русского языка — Дмитрий Иванович был ее создателем и возглавлял ее в течение 15 лет (1969–1984).

2008 — 90 лет со дня рождения Д.И. Алексеева (и 20 лет — со дня его кончины).

2008–2009 — формирование в серии «Профессора Самарского государственного университета» сборника «*Дмитрий Иванович Алексеев (1918–1988)*».

2008 — выход в свет книги: *Кадькалова Э.П., Кадькалов Ю.Г.* К истории русской дериватологии. О научном наследии лингвистов Поволжья (советский период). Саратов: Изд. центр «Наука». 2008. Почти 30 из 160 страниц посвящены здесь трудам Д.И. Алексеева по аббревиации.

2009 — в печати переиздаваемая в Москве монография Д.И. Алексеева «Сокращенные слова в русском языке» (Изд-во Саратов. ун-та, 1979).

2009 — расширенное переиздание цикла лекций Д.И. Алексеева «История лингвистических учений» (Изд-во «Самарский университет», 1998), подготовленное доцентами *М.Н. Барабиной* и *С.А. Карпухиным* — учениками Дмитрия Ивановича.

40-летие кафедры русского языка ознаменовали еще и следующие даты:

2009 — 20-летие заведования кафедрой профессора *Надежды Алексеевны Илюхиной*, ученицы и преемницы Д.И. Алексеева; 10 лет со дня защиты ее докторской диссертации.

2008 — защита докторской диссертации *С.А. Карпухина*.

---

* © Скобликова Е.С., 2009

Скобликова Елена Сергеевна — кафедра русского языка Самарского государственного университета

2009 – издание Диалектологического атласа Самарской области – авторы-составители доценты *Т.Ф. Зиброва и М.Н. Барабина*.

2009 – в печати (Москва) подготовленное профессором *Е.С. Скобликовой* 5-е издание двухтомного вузовского курса выдающегося самарского языковеда *А.Н. Гвоздева*: «Современный русский литературный язык» (в течение нескольких десятилетий он был одним из главных учебников по этому курсу не только в СССР, но и за рубежом).

Для меня самой особенно значимой в плане подготовки настоящего выступления была работа над формированием сборника памяти Д.И. Алексеева.

Сборник не просто обобщил обширные мемориальные материалы, в том числе и материалы самого Д.И. Алексеева. Эти материалы заставили, во-первых, в чем-то по-новому осмыслить его деятельность; во-вторых, объективировать собственные оценки.

В процессе осмысления материалов сборника оказалось очень интересным, насколько у разных авторов совпадают оценки рабочих и чисто личностных качеств Дмитрия Ивановича. «Мемуаристы» неизменно отмечают его негромкий, неафишируемый **азарт** во всех делах и увлечениях – то, что в целом я назвала «работой по максимуму».

Попытаемся – в штрихах – показать, как это проявлялось, обращаясь к разным направлениям деятельности Д.И. Алексеева.

Кандидатская диссертация, как и ряд других диссертационных исследований, выполненных в 1950-е годы в КГПИ, была посвящена у него всеобъемлющему описанию говора одного села – с. Архангельское Ульяновской области. На первый взгляд, задача скромная. Но какова исследовательская база? Вот лишь несколько деталей:

- записей диалектной речи в приложении – 100 страниц машинописи – целая хрестоматия!

- из них 40 страниц – фольклорно-этнографические тексты, полученные от одной информантки, к тому же в сопоставлении с «классическими» публикациями фольклорных материалов по Симбирской губернии;

- 94 фотографии: село, жители-информанты, живописные окрестности – скромная среднерусская природа (одна из подписей «Вода-снежница заполнила бакалдину»).

Зафиксированная в том же Архангельском редкая фонетическая особенность – переход **е** любого происхождения в **и** перед мягким согласным под ударением и без ударения – «заставила» автора перекопать весь Куйбышевский межобластной архив (около 800 населенных пунктов), чтобы обнаружить это явление еще в 8-и селах Поволжья. Материалы по этой особенности фиксировались и анализировались с такой исчерпывающей полнотой, что в записях только по одному из информантов отмечается 400 (!) соответствующих примеров (статья, посвященная этой особенности, воспроизводится в мемориальном сборнике).

В диалектологическом кружке «захолустного» (казалось бы) Мелекесского пединститута, где Д.И. Алексеев работает после окончания аспирантуры (1951–1961), студенты под его руководством по существу ведут работу полноценного научно-исследовательского коллектива: экспедиции; доклады; работа в Куйбышевском межобластном диалектологическом архиве; связь с диалек-

тологами Ульяновска, Казани, с Институтом русского языка АН СССР; подготовка материалов для Ульяновской диалектологической хрестоматии; создание этно-диалектологической карты Ульяновской области...

В одной из экспедиций был открыт новый исследовательский пласт: обнаружены бывшие носители тайного условного языка отходников-портных. Соответственно, последовал очередной всплеск активности Дмитрия Ивановича: организация новых экспедиций; газетные публикации с призывом откликнуться – к знающим эти языки; поездка в Москву для ознакомления с дореволюционными источниками по симбирским условным языкам 1868 года...

И вся эта активность – в 1961 году, на пороге переезда из Мелекесса в Смоленск!

Тогда же состоялось обретение самодеятельного исследователя условных ульяновских языков – Василия Семеновича Дубровина, пенсионера-бухгалтера, знавшего один из таких языков с детства. Результат – 10-летнее эпистолярное руководство и общение с В.С. Дубровиным, увенчавшееся у В.С. Дубровина созданием обширного «массового» словаря теренгульских отходников Ульяновской области, переданного автором в Институт русского языка АН СССР. В ксерокопированном виде переписка Алексева и Дубровина составила два тома: письма Дмитрия Ивановича – 150 страниц, письма Василия Семеновича – 300!

Знаменательно, что к «лингвистической археологии» поиска условных языков Д.И. Алексеев обращался и в Смоленске (1961-1965: здесь, как и в Мелекессе, он всячески стимулирует кружковую студенческую работу). В особенности знаменательно потому, что к этому времени уже вполне сложилось основное направление научной деятельности Дмитрия Ивановича. На подходе был Словарь сокращений русского языка, потребовавший колоссальных усилий для собирания, обработки, отбора разноотраслевых (!) сокращений, для научного осмысления особенностей и норм их произношения, правописания, грамматического оформления. И, может быть, в первую очередь – для формирования словника Словаря в условиях двух противоположных тенденций: а) при постоянном обновлении лексического состава аббревиатур; б) при исторически обусловленной архаизации отдельных пластов аббревиатурной лексики (словарь – около 12500 слов – вышел первым изданием в 1963 г., потом в 1977 г. – около 15000 лексем, в 1983 и 1984 гг. – около 17700).

В лингвистической разработке проблем аббревиации у Д.И. Алексеева та же «неуемность» и оперативность. К моменту 1-го издания Словаря им исследователски охвачены почти все нормативные вопросы, связанные с функционированием аббревиатурной лексики: опубликованы (в том числе в академических изданиях) 8 работ общим объемом около 100 страниц.

В дальнейшем, с переездом в 1965 году в Куйбышев после безвременной кончины жены Тамары Хрисанфовны Мурадовой, он находит все новые и новые аспекты изучения и интерпретации аббревиатур. Осуществляется цикл очередных солидных публикаций. Стал ясен масштаб затраченного труда. История сокращений, сначала графических, затем лексических, завершившаяся формированием аббревиации как нового способа словообразования, прослеживается, начиная с памятников славянской письменности XI века. Удивителен, как всегда у Д.И. Алексеева, объем изученных источников: «По XI–

XVII векам просмотрены рукописные и графические тексты общим объемом до 50 томов, по XVIII–XX векам <...> тексты гражданской печати, собрания сочинений писателей, словари и т.д., в общей сложности объемом более 100 томов», – пишет он во введении к своей монографии «Сокращенные слова в русском языке» (с. 6).

Между тем Дмитрий Иванович никогда не снижал планку ответственности и за кафедру, и за свою педагогическую работу. Об этом свидетельствуют включенные в мемориальный сборник воспоминания его бывших коллег и учеников, часто совмещающих эти роли.

Отсылая к этим воспоминаниям, а также к фрагментам публиковавшегося ранее материала самого Д.И. Алексеева «К формированию кафедры русского языка», хочется сказать лишь о том, что руководителем он, видимо, был тоже «по призванию». Мемуаристы постоянно отмечают сочетание его требовательности с отсутствием внешних проявлений начальственного поведения. Вероятно, своеобразная привычка административных ролей была обусловлена всеми периодами его биографии – даже сверххранним началом его учительской работы.

Начав эту работу в 15 (!) лет, он ко времени поступления на педрабфак КГПИ в 1936 году, то есть к 18-ти годам, имел уже минимум полтора года педагогического стажа. Как он писал в своей автобиографии, после 7-го класса (1933 г.) «несколько месяцев до выезда в Бугуруслан, работал учителем в 4 классе Державинской школы [Оргенбургская область]». Учась в 8 классе (Приволжский р. Куйбышевской области), по свидетельству его брата Виктора Ивановича, был учителем в его (брата) первом классе. После 8 класса в 1935/36 учебном году «работал учителем в 3-м классе, одновременно преподавал ботанику в 5 классе вечерней школы взрослых».

В войну, несмотря на невысокую должность лейтенанта, успел поработать в штабе.

Демобилизовавшись в 1946-м, 4 года был директором Архангельской школы в Чердаклинском р. Ульяновской области; в Мелекесе (1951-1961) работал то в должности декана, то в должности заведующего кафедрой; в Смоленске (1961-1965) был заместителем декана.

И все-таки роль заведующего кафедрой русского языка в КГУ/ СамГУ была ролью совершенно особой. Эта кафедра была в буквальном смысле его детищем. Он формировал ее с нуля! И, очевидно, любил по-особенному...

Среди материалов сборника памяти Д.И. Алексеева много живых свидетельств не просто его ответственного отношения ко всем сторонам деятельности кафедры, в том числе к формированию ее кадрового состава, его «выучке», обеспечению научной и учебной литературой. Часто это свидетельства и несколько смешных проявлений ответственности и настойчивости даже в рутинной бумажной работе.

Обо всем этом, подчас не без юмора, пишут в своих воспоминаниях Л.Г. Кочедыков, Н.В. Богомолов, Т.Ф. Зиброва, М.Н. Барабина и Г.И. Серова, Л.К. Африкантова, О.Н. Кальнова и другие «мемуаристы». В совокупности материалы подготовленного сборника свидетельствуют о том «вочеловечении» науки и педагогической работы, которое С.А. Карпухин, С.А. Голубков, да и другие авторы, усматривают в деятельности Дмитрия Ивановича в целом.

Завершается сборник статьей Н.А. Илюхиной, разносторонне характеризующей сегодняшний потенциал кафедры русского языка СамГУ.

Думается, что авторов материалов сборника можно поблагодарить и от имени составителя, и от коллектива кафедры, фундамент которой заложен Д.И. Алексеевым, и от будущих потенциальных читателей.

Отдельное спасибо за настоящий подарок, полученный нами на последнем этапе формирования сборника, — большой раздел «Дмитрий Иванович Алексеев (1918-1988). Русская аббревиация: масштабность того, что казалось малозначительным и второстепенным» (в упомянутой выше книге Э.П. и Ю.Г. Кадькаловых «Из истории русской дериватологии. <...>»). Прочитируем в заключение одну из общих оценок деятельности Д.И. Алексеева в этой книге:

«Исследование аббревиации в трудах Д.И. Алексеева — это не только поразительно большая работа по объему проанализированного материала <...> и тщательности выполненного анализа аббревиатур. Это научный труд намного большего масштаба. Д.И. Алексеев далеко вышел за пределы изучения аббревиатур <...> (несомненно интересного и загадочного явления языка) на новый уровень постижения законов языковой системы — ее поразительной силы (способности принять и освоить все рациональное, — каким бы необычным оно ни казалось)» (с.111).